

За ужином Сюэ Фэйфэн блеснул кулинарным мастерством и приготовил для Шэнь Цинжана рыбу «белка».

Шэнь Цинжаню велели чинно сидеть за столом и ждать. Из кухни доносилось аппетитное шкворчание горячего масла и манящий дух жареной рыбы. Он аж вспыхнул от смущения: учил-то их один и тот же наставник, да и готовить он сам начал раньше, так отчего же такая пропасть в мастерстве?

Рыбное филе тщательно очистили от костей, обжарили до аппетитных золотистых завитков — с хрустящей корочкой снаружи и сочное, нежное внутри, — а сверху щедро полили густым соусом. Шэнь Цинжань из уважения с аппетитом уплел целых две малые пиалы риса, наевшись до самого предела, так что боялся съесть хоть ложку сверху — не дай бог икнется, и Сюэ Фэйфэн услышит!

Это был самый скромный день рождения в жизни Шэнь Цинжана, но до того теплый и простой: рядом Сюэ Фэйфэн, а на столе — сытный рис да вкусная рыба.

Он бросил взгляд на Сюэ Фэйфэна и молча подумал: хоть сегодня и не настоящий его день рождения, но ведь загадать желание никто не запретит?

Пусть бы и через четыре года они с Сюэ Фэйфэном вот так же тихо и мирно жили бок о бок.

В комнате Шэнь Цинжана людям жить пока точно было нельзя, так что он поразмыслил и решил: а не продолжить ли выращивать грибы? Предыдущая партия со сгнившим субстратом пропала, но система сообщила, что благодаря излишне суровым условиям вывелся особый штамм грибов «куриная ножка», устойчивый к гнилостным бактериям. Его уже отправили в селекционный центр для массового разведения.

Награда: две тысячи баллов.

Шэнь Цинжань: «А рыночная цена разве не десять тысяч?»

Система: [Из-за ваших неверных методов выращивания извлечение семенного материала потребовало вдвое больше усилий, оттого и вычли восемьдесят процентов.]

Это даже описать фразой «добывать золото из кучи навоза» было бы не грех!

Шэнь Цинжань: «Ну и кровопийцы! Выходит, я все еще должен семьсот баллов?»

Если за этот месяц засадить еще семь му земли, с долгом за арбузы без косточек будет покончено! Шэнь Цинжань немного повеселел и решил завтра попросить Сюэ Фэйфэна сбить в комнате несколько стеллажей, выстелить их сухой соломой с землей и продолжить грибное дело.

Грибы размножаются быстро и массово, так что шанс мутации у них выше — а пока дождешься мутаций от картофеля да батата, пройдет сто лет. Пусть воняет, зато результат куда ощутимее!

Система не удержалась от напоминания: [В сухой соломе и земле маловато питательных веществ, нужен еще навоз...]

Шэнь Цинжань: «Заткнись».

На следующее утро Шэнь Цинжань взялся за большую корзину и собрался на улицу, бросив

Сюэ Фэйфэну, что сходит на огород за редькой.

Сюэ Фэйфэн:

— Если что случится — свисти.

Шэнь Цинжань кивнул. Едва Сюэ Фэйфэн скрылся с глаз, он сразу припустил по горной тропке. Дойдя до развилки, опустил корзину на землю: «Живо! Мне нужно двадцать куриных яиц и двадцать утиных. И чтобы вот-вот проклюнулись!»

Система: [Генетический код оплодотворенных яиц уже сформирован. Чтобы получить баллы, вам придется выходить их до второго поколения.]

— Хочешь сказать, надо сразу просить цыплят и утят?

— [Именно. Но взрослую птицу и скот мы не предоставляем.]

«Ладно», — только и успел подумать Шэнь Цинжань, как в корзине образовался густой, копошащийся комок пушистых птенцов. Из-за тесноты они со всех сил выталкивали друг друга наружу, попискивая, сверкая черными бусинками глаз и топорща редкий желтый пух.

Шэнь Цинжань протянул руку, водводя обратно желтого цыпленка, готового вывалиться через край, подхватил корзину и пошагал назад, а чуть позже и вовсе прижал ее к груди.

Что ж, его «кузен» снова дал о себе знать!

Шэнь Цинжань подозревал, что от образа «кузена» в глазах Сюэ Фэйфэна уже не осталось ничего хорошего. Он потихоньку переживал о встрече через месяц, но решил махнуть рукой: гулять так гулять, выжмет из этой легенды все, что можно!

Если через месяц обман вскроется и Сюэ Фэйфэн впадет в ярость, худшее, что его ждет, — это быть выгнанным прочь.

Шэнь Цинжань с оптимизмом рассуждал: по крайней мере, он оставит Сюэ Фэйфэну столько добра, что этого с лихвой хватит за все нахлебничество и ту заботу, которой тот его окружал.

Мало, надо еще больше!

Взгляд Шэнь Цинжаня потемнел.

Сюэ Фэйфэн был первым человеком, кого он встретил в этом мире по чистой случайности, и, кроме родных, относился к нему лучше всех. Как ни крути, а прощаться с ним будет больно.

Пока он витал в облаках, корзина в руках внезапно вздрогнула. Маленький желтый утенок размером с кулак, дрожа на самом краешке, сиганул вниз, шлепнулся на землю пушистым комочком, перекатился и шмыгнул в траву!

Пушистые малыши посыпались из корзины один за другим. Шэнь Цинжань в оцепенении глядел на этот побег, затем поспешно бросил корзину и кинулся ловить цыплят и утят, вот только ловкости у него было куда меньше, чем у них.

Сграбастал одного — удрал другой!

Шэнь Цинжань аж взмок от досады: «Да куда ж вы бежите?! Без меня вы тут с голоду

помрете!»

Не найдя иного выхода, он издал два коротких, тревожных свистка.

«Иди помоги мне поймать цыплят!»

Сюэ Фэйфэн подоспел как раз вовремя: Шэнь Цинжань, взмыленный и запыхавшийся, ползал по траве, пытаясь изловить разбежавшихся птенцов. А в большой корзине на дороге оставшая орава, видать заразившись духом свободы, изо всех сил карабкалась наружу.

Те, кого он успевал сгрести, уступали по числу тем, кто успевал сбежать!

Сюэ Фэйфэн глянул на тяжело дышавшую Шэнь Цинжань и с трудом сдержал смехок.

— Стой здесь и смотри! — окликнул он Шэнь Цинжань, после чего задействовал легкий шаг цингун и в пару мгновений переловил всех цыплят да утят, загребая по штуке в каждую ладонь.

Птенцы, переловленные Сюэ Фэйфэном, вели себя смиренно и смирно, не помышляя больше о побеге, а лишь в страхе сжимались, точно перепелки.

Шэнь Цинжань поднял за загривок одного цыпленка, разглядывая: да ведь он совершенно здоров, просто струсил! Выходит, эта птица еще и выбирает, перед кем выламываться!

— Откуда столько цыплят да утят?

Шэнь Цинжань показал губами: «Кузен прислал гостинцев к Новому году».

Именно этого ответа Сюэ Фэйфэн боялся больше всего. Его брови моментально сдвинулись к переносице: этот «кузен» каждый раз проходит мимо дома, не заходя в гости... Да существует ли он вообще?!

Сюэ Фэйфэн окинул взглядом пустую горную тропу, где редкая птица пролетит — вокруг стояла такая тишина, что слышны были лишь трели щеглов.

Шэнь Цинжань выставил главный козырь: «Или ты сам высидывать яйца собрался?»

Сюэ Фэйфэн: «...» Не дай бог.

Раздался стук копыт. Сюэ Фэйфэн обернулся на звук: к ним приближался Хуан Эр, который часто возил в деревню товары. Он восседал на тощей кобыленке, выглядевшей довольно старой от бесконечных перевозок тяжестей.

Увидев Шэнь Цинжаня, Хуан Эр едва натужился, распахнув раскосые глаза, в которых блеснул мутноватый огонек, и развязно поздоровался.

Шэнь Цинжань его не знал, потому лишь вежливо кивнул.

— Одежу из хлопковой ткани, что ты прошлый раз просила, я привез! — с господской спесью бросил Хуан Эр и погнал кобылу дальше.

Под «прошлым разом» естественно подразумевалось то время, когда прошлый хозяин тела еще был жив: ленясь стирать, он поручил Хуан Эру купить пару нарядов — да не из грубой пеньки, а из мягкого хлопка.

Тогда все деньги у него уже вымогали деревенские повесы, и дома оставалось лишь зерно. Хуан Эр брал исключительно серебром, заклада не принимал и отказал ему.

Но сегодня, глянув на Шэнь Цинжана снова — с его алыми губами, белоснежной кожей и вороновыми волосами, прилипшими к чуть розоватым вискам, — Хуан Эр ахнул: да она красивее любой деревенской девки, какую ему доводилось встречать! Вымыла бы рожицу раньше — так неужто он не привез бы ей одежду?

Сюэ Фэйфэн заслонил собой Шэнь Цинжана. Хуан Эр изогнулся, пытаясь рассмотреть хоть что-то еще, но, поняв, что заслон не пробить, с досадой плюнул на землю и пришпорил кобылу.

Сюэ Фэйфэн повернулся и уставился на Шэнь Цинжана.

Шэнь Цинжань: «Какая еще одежда? Я сам без понятия».

Впрочем, пораскинув мозгами, он быстро понял, что речь идет о сделке прежнего хозяина с Хуан Эром, вот только почему тот привез вещи только сейчас?

Сюэ Фэйфэн проронил с нескрываемой ревностью, которой и сам от себя не ожидал:

— Ты и дудоу его заставила купить?

Деревенские девушки шьют нагрудники сами, а вот чтобы Шэнь Цинжань держала в руках иголку с ниткой, Сюэ Фэйфэн отродясь не видел. Сюэ Фэйфэн теперь локти кусал: в тот раз у лавки готового платья в городке, когда Шэнь Цинжань утащила его прочь, не надо было уступать! Накупил бы ей своей одежды, чтобы полностью сменить гардероб!

Шэнь Цинжань обомлел: «Откуда мне знать?! Белый день на дворе, давай не будем об этом, а?»

Видя, как лицо Сюэ Фэйфэна становится все мрачнее, он сообразил:

«Мне не нужно ничего из того, что привез Хуан Эр».

Шэнь Цинжань чутьем понял, что эта фраза сразу утихомирит гнев Сюэ Фэйфэна.

Выражение лица Сюэ Фэйфэна и впрямь слегка смягчилось. На секунду у него мелькнула мысль, а не Хуан Эр ли тот самый «кузен», но вспомнил слова тетушки Чжан о том, что Хуан Эр соринки из глаза не упустит и удавится за медяк, и отбросил эту догадку.

Он велел Шэнь Цинжань стеречь птенцов, чтобы те не разбежались, а сам собрался догнать Хуан Эра и заявить, что тому запрещено покупать одежду для его жены.

Детский сад и самодурство: мало того что Шэнь Цинжаню запретили брать вещи, так даже саму мысль о покупке у Хуан Эра нужно было выжечь на корню!

Шэнь Цинжань потерял дар речи и насильно сунул корзину с цыплятами в руки Сюэ Фэйфэну: «Не смей никуда ходить!»

У Хуан Эра лошадь, а Сюэ Фэйфэн пешком — станет он еще позволять Сюэ Фэйфэну тягаться бегом с лошастью! Подумаешь, пару комплектов одежды — как привезет Хуан Эр, так он их сразу передарит главной героине Пань Юньси!

Кстати говоря, сорок цыплят да утят — это слишком много, в их домашнем курятнике они попросту не поместятся. Он ведь обещал при случае приобщить главную героиню к сельскому

хозяйству — почему бы не отдавать ей на выхаживание половину?

Как раз возле дома семейства Пань находился его высохший пруд. Загородить его плетнем — и все сорок птенцов поместятся с комфортом! Попросить главную героиню приглядывать, чтобы они не разбежались, да готовить корм, а сам он будет лишь приходить и рассыпать его. На людях можно платить Пань Юньси жалованье, а когда птица начнет нести яйца, выделить ей половину.

Как только доход Пань Юньси станет выше, чем у ее родных, она шаг за шагом завоюет право голоса в семье Пань.

Шэнь Цинжань с улыбкой посмотрел на корзину: не то от недавней беготни, не то от собственных мыслей, но эти пушистые крохи казались ему теперь ужасно милыми.

Захотелось дать им имена!

Шэнь Цинжань велел Сюэ Фэйфэну запоминать: «Черный Боб, Желток, Двуперка...»

Сюэ Фэйфэн некоторое время дулся из-за того, что Шэнь Цинжань наотрез запретила ему догонять Хуан Эра, но поскольку Шэнь Цинжань ничего не заметила, генералу пришлось переваривать обиду в одиночку. Теперь же, видя, как Шэнь Цинжань дает имена цыплятам да утятам, он не удержался от вопроса:

— Ты уверена, что хочешь дать им имена?

Зная мягкий характер Шэнь Цинжана, та потом и резать-то их пожалеет — не выйдет ли вся работа впустую? С таким же успехом он предпочитал бы, чтобы Шэнь Цинжань просто сладко спала в постели, пока ей прислуживают.

Сюэ Фэйфэн не стал прямо говорить о суровой правде жизни, а выразился полупнамеком:

— А звать их кто по именам станет?

«Точно! Я же немой!»

Шэнь Цинжань опечалился лишь на мгновение: ничего страшного, Пань Юньси-то разговаривать умеет!

«А тот торговец, что в прошлый раз скупал сахарный тростник, все еще скупает?» — Шэнь Цинжань никак не мог забыть того щедрого простофилю, который еще и землю им перекопал. Хотелось вернуть его, чтобы тот срубил оставшийся му тростника и освободил место про запас.

Сюэ Фэйфэн уверенно отрезал:

— Скупает.

Завтра же велеть Чан Мину привести парней обратно!

Шэнь Цинжань выдвинул условие, что выхаживать птицу должна именно Пань Юньси. Он заявил ее родителям, что они с Юньси сразу нашли общий язык и сошлись характерами, так что он желает нанять ее на работу. Чтобы закрепить успех, он заранее выложил несколько десятков медяков в качестве аванса, намекнув, что сорок штук птицы ему самому не съесть, так что впредь Пань Юньси сможет брать себе столько, сколько душе угодно.

Его речи звучали слаще, чем у зятя, пришедшего на сватанье! Он заранее составил письмо и велел Сюэ Фэйфэну зачитать его вслух. В письме четко расписывались ежедневные обязанности Пань Юньси — работа требовала времени, но вовсе не отнимала физических сил, — а следом шла пышная хвала уму и сноровке девушки.

Сюэ Фэйфэн читал-читал, да почувствовал, что дело принимает скверный оборот, и наотрез отказался продолжать. Шэнь Цинжань еще не успел донести главную мысль, так что велел Пань Юньси дочитать самой.

Пань Юньси, которую брат всю жизнь лишь гнобил да ругал, отродясь не слыхала в свой адрес столько похвал. Ее щеки тихо заалели, а в миндалевидных глазах, обращенных на Шэнь Цинжаня с беспредельной благодарностью, заблестели слезы.

Стоило невестке Шэнь прийти к ним в дом, как ее родители принялись суетиться, подливая чаю и пододвигая табуретки. Прослышав, что Шэнь Цинжань нанимает именно их дочь, да еще и за щедрую плату, они даже смотреть на нее стали по-другому! За все утро мать с отцом ни разу не обронили привычных попреков вроде: «Налей брату воды!» или «Помассируй брату ноги!». А ведь прежде она слышала эти приказы сотнями раз на дню, точно родилась на свет лишь служанкой при Пань Юньшане!

Шэнь Цинжань, глядя на всё более мрачную и перекошенную физиономию Пань Юньшаня, довольнее прежнего поджал губы в улыбке.

По правде говоря, раньше они с Пань Юньшанем оба были бесполезными ленивцами. Вот только бесполезному человеку следует знать свое место! А этот, пользуясь тем, что родители предпочитают сыновей дочерям, каждый день вымещал спесь на сестренке — обижал слабых и лебезил перед сильными. Тоже мне мужик!

Так пусть же родители Пань тоже поймут, что их сынок — никчёмный человек!

Сюэ Фэйфэн выхватил бумагу из рук Пань Юньси, сложил вдвое, засунул в рукав и одарил Шэнь Цинжаня взглядом: «Знай меру!» Похвала, перешедшая границы, звучит фальшиво!

Он конфисковал это письмо, смахивающее на любовное послание хороших процентов на семьдесят, и, как бы Пань Юньси ни смотрела на него, доставать обратно не собирался.

Шэнь Цинжань даже его никогда так не хвалила!

Сюэ Фэйфэн скользнул по Шэнь Цинжаню прохладным взглядом:

— Слог отменный.

Слова вроде бы хвалебные, но Шэнь Цинжань на ровном месте уловил в них нотку недовольства.

«Неужто я слишком блеснул умом и вызвал подозрения?»

Впрочем, Великий Генерал просто-напросто ревновал — притом ревновал так, что сам толком не мог понять причины.

Неужели его жажда единолично обладать Шэнь Цинжань дошла до такой степени?

Пань Юньси ведь девушка!

Сюэ Фэйфэн бросил взгляд на Шэнь Цинжань, затем на Пань Юньси, и брови его сдвигались все глубже и глубже.

Шэнь Цинжань ходил кормить птицу каждый день. Хоть он и не мог окликнуть цыплят и утят по именам, Пань Юньси каждый раз подходила и во всех подробностях рассказывала ему про особенности каждого птенца и о том, кто с кем сегодня подрался.

Удивительно смышленная оказалась девчушка! Шэнь Цинжань приходил сюда столько раз, но так и не научился отличать абсолютно одинаковых цыплят, да и имена напридумывал от нечего делать, а Пань Юньси запомнила все с первого раза. В загоне у нее всегда царила чистота, а птенцы росли крепышами — вскоре они сбросили пух и оперились гладким, лоснящимся пером. Прежний плетень был низковат, так Пань Юньси, не ждя подсказок, сама сходила на гору, нарезала тростника и надстроила забор еще на метр.

Со временем Шэнь Цинжань почувствовал, что и сам привязался к этим цыплятам да утятам.

И на кой черт он только давал им имена?!

Прошло полмесяца.

В один из дней Шэнь Цинжань, как обычно, собрался идти кормить птицу.

Сюэ Фэйфэн внезапно вернулся снаружи и заступил ему дорогу:

— Я их сегодня уже покормил.

«Они поели?»

Лицо Сюэ Фэйфэна оставалось невозмутимым:

— Угу.

В душе Шэнь Цинжаня поднялось недоброе предчувствие: с чего бы Сюэ Фэйфэну врать на ровном месте?

Эти цыплята и утята ни за что не стали бы есть корм из чужих рук! Чтобы скрыть эту странность, он ежедневно вставал ни свет ни заря и кормил их сам, объясняя людям вокруг: «Они сыты, оттого чужой корм и не берут».

Что же такое стряслось?!

<http://bllate.org/book/17933/1992733>